

СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

В.И. Мизин, В.М. Сергеев

МИЗИН Виктор Игоревич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра международной безопасности, ИМЭМО РАН, Москва. Для связи с автором: vmizin@hotmail.com; **СЕРГЕЕВ Виктор Михайлович**, доктор исторических наук, профессор, директор Центра глобальных проблем ИМИ МГИМО МИД России, Москва. Для связи с автором: laris-pulena@rambler.ru

Мизин В.И., Сергеев В.М. Современные концепции стратегической стабильности. — Полис. Политические исследования. 2018. № 5. С. 150-166. <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.05.12>

Статья поступила в редакцию: 14.03.2018. Принята к публикации: 11.06.2018

Аннотация. В статье дается ретроспективный анализ эволюции понятия и концепций стратегической стабильности — от стратегических концепций военной сферы в XIX в., в период холодной войны — и к концептуальной базе по созданию нового мироустройства в XXI в. Дается объяснение различия стратегического баланса и стратегической стабильности. Отмечается важность для формирования договорной основы взаимодействия СССР и США в годы холодной войны при достижении паритета и формировании понятийной базы диалога по сокращению стратегических вооружений. Авторы рассматривают имеющиеся и перспективные факторы, способные подорвать как стратегическую, так и региональную и трансрегиональную стабильность. Особое внимание уделяется роли непредвзятых подходов и научной экспертизы в формировании актуального перечня дестабилизирующих факторов. Аргументированно доказывается, что США не учитывают дестабилизирующую роль их программы ПРО в современной геополитической системе. В статье констатируется, что политика США и НАТО делает пока что невозможным переход к безъядерному миру. Вместе с тем своей главной целью авторы видят постановку задачи выработки новых основ стратегической стабильности, оценку ее новых параметров на глобальной основе, когда концепция уже не сводится к узкой трактовке как приоритет недопущения ядерного конфликта между крупнейшими ядерными державами, но должна учитывать всю совокупность факторов, определяющих парадигмы безопасности в современных реалиях миропорядка. Рассматриваются и нынешние программы модернизации стратегических сил России с точки зрения поддержания стратегической стабильности и защиты национальных интересов страны.

Ключевые слова: стратегическая стабильность; Россия; США; военная доктрина; СНВ; ПРО; гонка вооружений; взаимное гарантированное уничтожение; ядерное сдерживание, система международных отношений.

ИСТОРИЯ ВОПРОСА И ЕГО ТЕХНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Исследователи, пытающиеся анализировать концепцию стратегической стабильности, обычно рассматривают в качестве объекта изучения ядерный конфликт. Мы предлагаем иной путь: по нашему мнению, начинать надо с рассмотрения стратегической стабильности обычных военных конфликтов. Такой подход позволяет раскрыть сущность понятия стратегической стабильности, являющегося гораздо более общим, нежели понятие стратегической стабильности в случае ядерного конфликта. Этот подход, с одной стороны, позволит значительно расширить круг примеров, а с другой — показать общие черты исследуемого явления. Стратегическая стабильность (или нестабильность) была

присуща предвоенным ситуациям еще древней истории. Войны — начиная с эпохи Александра Македонского и конфликта между Римом и Карфагеном — дают тому множество примеров (прежде всего сама кампания Александра против персов была затеяна в IV в. до н.э. из-за ситуации стратегической нестабильности в регионе Восточного Средиземноморья). Замечательные примеры стратегической нестабильности — политическая ситуация в Европе эпохи наполеоновских войн, австро-прусской войны 1866 г., намерения и планы германского командования в 1914 г. Само понятие блицкрига есть фиксация военно-политической нестабильности. Войны, как правило, начинаются в случаях, когда одна из сторон надеется на быструю победу.

В европейской истории на теоретическом уровне подобный взгляд на войну был, по-видимому, впервые сформулирован Клаузевицем. Карл фон Клаузевиц четко разделил два типа войн — войну за приобретение территорий и войну, цель которой — смена режима. В первом случае, как правило, речь идет о более или менее периферических военных действиях, во втором случае удар должен наноситься по политическому центру и в места концентрации коммуникаций. Нетрудно заметить сходство постановки вопроса с теоретиками “первого ядерного удара”.

Прежде чем анализировать понятие стратегической стабильности, необходимо обратить внимание на фундаментальное различие между понятиями “стратегический баланс” и “стратегическая стабильность”. Отсутствие такого понимания не раз в мировой практике приводило к краху или ставило на грань поражения могущественные державы. Отсутствие понимания этого различия привело СССР в июне 1941 г. к крайне тяжелому положению. Различие же сводится к тому, что в понятие стратегической стабильности помимо представления о необходимости для поддержания безопасности государства сопоставимой с противником мощи вооруженных сил (причем сопоставимость может быть очень и очень приблизительной) входит фактор времени, необходимого для разгрома противника и предотвращения ответного удара с его стороны. Именно этот фактор позволил Германии разгромить Францию в 1940 г., оккупировать большую часть Европы, и неизвестно, сколько времени просуществовал бы Третий рейх, если бы Германия не начала войну с СССР.

Технический прогресс в области вооружений неизбежно приводит к изменению концепций стратегической стабильности. На эту концепцию обратили серьезное внимание в сороковых годах XX в. сразу же после создания ядерного оружия, вскоре (в 1970-х годах) сформулировав “узкую” концепцию стратегической стабильности. Первоначальное понимание концепции сводилось к тому, что система противостоящих государств могла считаться стратегически стабильной, если после нанесения одной из сторон первого ядерного удара у подвергнутой атаке стороны сохранялось достаточно средств доставки, чтобы нанести агрессору неприемлемый ущерб.

В дальнейшем (в 1980-х годах) формулировку заменили: стратегически стабильно такое состояние ядерных сил, когда ни у одной из сторон нет стимулов для нанесения первого удара. При всей схожести формулировок они содержат глубокое различие. Заметим, что вторая, “более свежая” формулировка применима к случаю противостояния стран не только с ядерным оружием, но и с обычным вооружением, и по существу универсально применима. Тем не менее определение конкретных ситуаций, в которых имеет место стратегическая стабильность, в случае использования второго, более общего определения часто бывает затруднительным. Дело в том, что отсутствие стимулов для

первого удара предполагает неявно определение неприемлемого ущерба для противостоящей стороны, который может определяться по-разному и зависит от многих факторов, в частности от “стойкости” противника.

Рассмотрим случай неядерного конфликта, а именно начало войны между Германией и Нидерландами в 1940 г. Первый удар нанесли немцы бомбардировками с воздуха, разрушив Роттердам (один из крупнейших портов Европы). Правительство Нидерландов немедленно капитулировало, так как Германия угрожала продолжить разрушение городской структуры. (Заметим, что речь шла не об ответном ударе, а о первом сокрушающем ударе.)

Через пять лет, после принятия союзной авиацией стратегии массированных бомбардировок германских городов, практически все крупные города Германии лежали в руинах, причем в Дрездене “огненный вал” произвел разрушения, сравнимые с ядерной бомбардировкой. Были практически стерты с лица земли такие города, как Берлин и Гамбург. Но эти страшные разрушения не привели к капитуляции Германии, и только после занятия Берлина советскими войсками капитуляция состоялась.

В качестве другого примера специфики стратегической стабильности приведем ситуации, в которых присутствует асимметрия по времени мобилизационной подготовки стран к войне. Ясно, что если такое время для одной из сторон конфликта существенно больше, чем для другой, то разницы может хватить на то, чтобы страна, имеющая меньшее время подготовки за счет такого выигрыша, может полностью разгромить силы другой стороны. Так было во время русско-японской войны 1905 г. в силу трудностей с переброской войск из районов России, удаленных от театра военных действий. Подобные расчеты служили основой германского плана Шлиффена, сорванного в августе 1914 г. наступлением русской армии в Восточной Пруссии.

Кроме того, необходимо учитывать психологическую устойчивость правительств и их способность “держат удар”. Было бы в случае войны между США и КНДР достаточным уничтожение одного или нескольких крупных городов на западном побережье США, чтобы признать это неприемлемым ущербом? Этот вопрос недавно превратился из чисто академического в сугубо практический в связи с ситуацией на Корейском полуострове и с появлением у КНДР ракеты, которая может достичь материковой территории США.

Мы видим, что концепция сдерживания во многих случаях не дает ответ на вопрос, какой уровень сдерживания можно считать достаточным. Такая ситуация существенно обесценивает первое определение стратегической стабильности. Одновременно и второе определение становится “неоперациональным”, так как “отсутствие стимулов для нанесения первого удара” оказывается слишком неопределенным, чтобы строить на нем концепцию обороны. В центре обсуждения оказывается вопрос, может ли первый удар принести настолько существенное преимущество нападающей стороне, что дальнейший выигрыш практически неизбежен, в частности, из-за морального слома в подвергнувшейся удару стране. Именно этот вопрос определяет существо “блицкрига”. В частности, “блицкриг” неэффективен против общества с низким уровнем жизни (населению нечего терять), но идеологически и психологически сплоченного и готового к войне (в качестве примера можно привести Вьетнам 1960-1970-х годов, который выиграл войну против мощного противника). А ведь на него, по некоторым оценкам, было сброшено больше бомб, чем на Германию во время Второй мировой войны.

Возможен ли “ядерный блицкриг” в конфликте между Россией и США? Скорее всего, нет, из-за наличия стратегической стабильности в ядерном противостоянии России и США.

Война является делом как минимум двух сторон, и ответить на этот вопрос, анализируя действия лишь одной стороны, невозможно. Ясно, например, что победа США в войне с КНДР в силу свойств населения этой страны возможна только в случае практически полного уничтожения, а не только победы над вооруженными силами. Однако нескольких ядерных зарядов, достигших территории США, было бы достаточно, чтобы прекратить войну. Необходимо учитывать и негативную реакцию Южной Кореи и Японии на военные действия, которые почти наверняка затронут и эти страны, учитывая факт, что Сеул находится в непосредственной близости от границы с КНДР и доступен для артиллерийского обстрела, а Япония находится в радиусе действия северокорейских ракет.

Тем не менее стратегическая стабильность не является незыблемым фактором и подвержена различным воздействиям с развитием военно-политической обстановки в мире.

Прежде всего рассмотрим, как современная структура ядерных сил выкристаллизовывалась, исходя из представлений о стратегической стабильности. Первоначально основным средством доставки ядерного оружия мыслилась авиация. Именно с ее помощью США нанесли первый в мире ядерный удар по Японии в августе 1945 г. Создание в СССР атомной бомбы в 1949 г., а затем и водородной бомбы коренным образом изменили соотношение сил в мире, и Вашингтон перестал быть монополистом.

Сначала в СССР также планировали использовать бомбардировщики в качестве средств доставки ядерного оружия. Но активная деятельность С.П. Королёва по созданию межконтинентальных баллистических ракет поменяла военные планы. При анализе двух способов доставки ядерных боезарядов – баллистическими ракетами и авиацией – выяснилось, что они в значительной степени дополняют друг друга. В конце 1960-х годов к двум способам прибавился третий – использование подводных лодок для запуска баллистических ракет. Так возникла ядерная триада, обладание которой, как стало очевидным, резко уменьшает уязвимость ядерных сил и тем самым повышает стратегическую стабильность. К концу 1970-х годов понятие о стратегической стабильности окончательно оформилось, а главные игроки – СССР и США – начали интенсивно развивать способы размещения носителей.

Первоначально самым точным способом доставки был авиационный. Но он обладал существенными недостатками: бомбардировщики – заметные цели на радиолокаторах, и их относительно легко сбить. Возможности уничтожить первые баллистические ракеты фактически не было, но они были крайне неточны – среднекруговое отклонение при попадании в цель достигало нескольких километров. Постепенно развитие ракетной техники позволило уменьшить неточность до величины примерно в 100 м, но даже это требовало ядерного заряда мощности порядка сотен для гарантированного уничтожения укрытой в специальной шахте ракеты. Ракеты, запускаемые с подводных лодок, имели среднекруговое отклонение порядка 300 м, что требовало более мощных зарядов, а так как тяжелые межконтинентальные ракеты были очень дороги, возникла естественная идея разделения зарядов, чтобы одна ракета могла поражать несколько целей. При этом уменьшалась стратегическая стабильность.

В рамках укрепления стратегической стабильности различные компоненты триады выполняют разные функции не только в случае первого удара, но и обеспечивая в совокупности неуязвимость ядерных сил в целом:

– ракеты в шахтных установках и мобильные ракеты берут на себя в основном функции обезоруживающего удара;

– бомбардировщики можно в короткое время поднять в воздух и тем самым сохранить от поражения часть ядерных сил, неся на себе крылатые ракеты с высокой точностью для поражения центров управления войсками противника;

– подводные лодки, как наименее уязвимая часть триады – это оружие возмездия, для которого высокая точность попадания не так важна, как способность произвести массивные разрушения.

После окончательного оформления ядерной триады противостоящими сторонами началась интенсивная гонка вооружений между СССР и США, и в итоге во второй половине 1970-х годов они сравнялись между собой по количеству ядерных зарядов – примерно по 20 тыс. единиц с каждой стороны с учетом тактического ядерного оружия. Такие арсеналы не только гарантировали полное взаимное уничтожение в случае ядерного конфликта, но и могли вызвать дополнительные эффекты (например, “ядерную зиму”), грозя уничтожить жизнь на планете.

Явная избыточность арсеналов заставила СССР и США начать переговоры о сокращении ядерных вооружений, в процессе которых использовались компьютерные модели оценки обмена ядерными ударами, разработанными как в США, так и в СССР. В итоге стало очевидно, что для обеспечения стратегической стабильности достаточно иметь с каждой стороны примерно по тысяче носителей. Договор о сокращении наступательных вооружений зафиксировал эту цифру, и в настоящее время обе стороны придерживаются зафиксированного уровня. До какой величины можно сокращать ядерные силы – остается в значительной мере открытым вопросом, так как до сих пор эта область значительно менее исследована.

ПУТИ РАЗМЫВАНИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

Достигнув к концу 1970-х годов стратегической стабильности, Вашингтон и Москва смогли заключить первые соглашения о сокращении стратегических наступательных вооружений. Однако достаточно быстро США предприняли ряд шагов, которые привели к постепенному размыванию стратегической стабильности. Наибольшую опасность несут в себе попытки сконструировать очень точные ракеты, которые можно оснастить обычным боезарядом [Kochetkov, Averchev, Sergeev 1987: 153-165], особенно если они развернуты в большом количестве.

Резкое повышение точности крылатых ракет “Томагавк”, имеющих среднее круговое отклонение порядка десяти метров и снабженных телекамерами, позволяющими управлять ракетой, привело некоторых специалистов к заключению, что недалеко то время, когда у нападающей стороны будет возможность наносить первый обезоруживающий удар обычными боезарядами. Это полностью меняет характер войны и требует полного пересмотра концепции стратегической стабильности. Сторона, которой грозит нападение, оказывается не только беззащитной перед лицом противника (уцелеть удастся лишь ракетам на подводных лодках и успевшим взлететь бомбардировщикам), но оказывается перед лицом тяжелого вызова – необходимостью первой нанести удары по городским агломерациям, промышленным предприятиям и центрам

управления. Впрочем, такой сценарий оспаривается многими экспертами, так как атака ракетами с обычными БЧ не гарантирует на 100% поражения всех стратегически важных объектов¹. У США отсутствует необходимое для достаточно адекватного поражения российских стратегических носителей количество высокоточных крылатых ракет.

Два обстоятельства мешают осуществить этот сценарий. Первое обстоятельство — малая скорость крылатых ракет (“Томагавк” имеет скорость около 850 км/ч, а время ее полета на предельно дальнее расстояние 2 500 км составляет более двух часов), которая позволяет принять защитные меры или попытаться сбить ракету. Практика войны в Сирии показывает, что в отдельных случаях только около половины запущенных ракет долетает до цели (таковы результаты американского удара по аэродрому сирийских правительственных сил).

Второе обстоятельство состоит в том, что среднее круговое отклонение порядка десяти метров еще слишком велико для поражения ракеты, укрытой в хорошо укрепленных шахтах. Для этого нужно столько взрывчатого вещества, сколько невозможно поместить в боеголовку крылатой ракеты.

Предпринимаются успешные попытки создать сверхзвуковую или гиперзвуковую крылатую ракету, но ее скорости все еще недостаточно для обеспечения поставленных задач. Успехи в создании сверхточных крылатых ракет не слишком увеличат уязвимость стратегических подводных лодок и ракет в сильно укрепленных шахтах, которые выживут и будут использоваться как средство устрашения противника.

Успешное использование крылатых ракет семейства “Калибр” (по кодификации НАТО *SS-N-27 Sizzler*) в сирийском конфликте указывает и на другую возможность применения сверхточного оружия с подводных лодок, а именно нанесения с них удара по оставшимся ядерным силам противника, а также по его центрам управления. В этом случае война трансформируется в обмен ударами неядерным высокоточным оружием. Концепции стратегической стабильности, разработанные для ситуации обмена ядерными ударами, окажутся непригодными. Война начнет походить больше на “обычный” военный конфликт, но с той разницей, что у сторон в запасе останется незначительное количество неиспользованных боезарядов, которые будут сохраняться на случай полного поражения в конвенциональном конфликте или будут предохранять от неприемлемых условий при начавшихся переговорах. Вообще говоря, это — новая ситуация, и исследование условий стратегической стабильности для нее требует серьезных дополнительных исследований.

Значительное повышение точности крылатых ракет в сочетании с повышением их скорости все равно приведет к размыванию современного понимания стратегической стабильности и, возможно, к полному пересмотру понятия.

В настоящее время уделяется недостаточно внимания проблемам ядерного взаимодействия стран с низкими порогами ядерных вооружений, но развитие военной техники выдвигает на первый план проблемы именно такого типа. Это касается и стран, которые недавно обзавелись ядерным оружием. Вполне естественно, что в период доминирования ядерных держав с большими арсеналами главное внимание уделялось стратегической стабильности во взаимоотношениях СССР/Россия — США. Но ситуация в мире быстро меня-

¹ Ахмеров Д., Ахмеров Е., Валева М. По-быстрому не получится. — *Военно-промышленный курьер*. 21.10.2015. Доступ: <http://vpk-news.ru/articles/27617> (проверено 20.06.2018).

ется, и наиболее опасные конфликты, как это можно усмотреть из недавнего противостояния США и КНДР, меняют свою природу.

Как будет выглядеть мир через несколько десятков лет, когда в число ядерных держав войдут, возможно (хотя это и маловероятно), Иран, Южная Корея, Япония, трудно себе представить. Однако задача исследования подобных ситуаций представляется насущной, и разработку концепции стратегической стабильности в этом непредсказуемом хаотичном “новом мире” необходимо проводить уже сейчас.

Концепция неядерного обезоруживающего удара не избавит мир от ядерной угрозы, так как “обезоруживание” никогда не сможет быть гарантированно полным. При ответно-встречном ударе ситуация сведется к случаю существенного понижения уровня ядерных вооружений, для которого нет в настоящее время хорошего определения стратегической стабильности.

РАЗРАБОТКА ПРОТИВОРАКЕТНЫХ СИСТЕМ

Одно из наиболее опасных направлений размывания стратегической стабильности – разработка и внедрение противоракетной обороны (ПРО). Первые усилия по созданию ПРО Вашингтон предпринял в конце 1940-х годов. В 1950-х годах был испытан ее прототип. Идея состояла в запуске ракеты с ядерной боеголовкой, которая взрывается в верхних слоях атмосферы и своими поражающими факторами уничтожает летящие ракеты противника.

В 1963 г. США объявили о начале работ над ПРО “Часовой” (англ. *Sentinel*), которая, как предполагалось, должна состоять из двух эшелонов – высотного (из ракет дальнего перехвата *Spartan*), и ракет ближнего перехвата *Sprint*. Но предложенная система обладала рядом неудобств (небольшой охват защищаемой территории, возможные протесты общественности в связи с предполагавшимися взрывами в околоземном пространстве и др.), и разработка была прекращена.

В 1972 г. между СССР и США был заключен договор о ПРО, который разрешал каждой стороне иметь по две территориальные системы ПРО. Глобальные системы ПРО попадали под запрет.

В 2002 г. США вышли из договора по ПРО и начали развивать новые подходы к системе противоракетной обороны. На этот раз предлагалось бороться не с массированным ударом противника, а с немногочисленными ограниченными пусками, которые могли бы произвести “страны-изгой” (КНДР, Иран, возможно, вновь образовавшиеся ядерные державы).

Проблема, однако, состояла в том, что таким образом США существенно уменьшали стратегическую стабильность и непосредственно затрагивали интересы России. Расположенные согласно планам США в Польше и Румынии радары смогут перекрыть европейскую часть России, тем самым составив существенную часть системы раннего предупреждения о запусках, а используемые в рамках данной противоракетной системы поражающие ракеты с обычными боеголовками легко заменяются на ракеты среднего радиуса действия, оснащенные ядерным оружием, что в совокупности нарушает стратегическую стабильность в регионе. Такие доводы многократно доводились до сведения дипломатов США, на что были получены совершенно неудовлетворительные ответы.

В течение долгого времени угроза создания Ираном ядерного оружия могла рассматриваться как оправдание размещения ПРО в европейских странах. Но

после заключения соглашения с Ираном об отказе от производства ядерного оружия, оно потеряло всякий смысл.

Не оправдались надежды российского политического класса на то, что Дональд Трамп, став президентом, изменит к лучшему отношения США и России. Под давлением американского истеблишмента в обеих партиях, прежде всего Республиканской, но частично и Демократической, президент Трамп свернул на путь инициации нового наращивания вооружений, в том числе и в ядерной сфере, о чем свидетельствуют новые доктринальные документы и планы модернизации ядерных сил². В политическом плане отказ США уходить из Сирии после разгрома ИГИЛ, нанесение новых ударов по сирийским правительственным силам, попытки *de facto* организовать раздел Сирии, используя противоречия между сирийским правительством и курдами, говорят о том, что внутриполитическая обстановка в США не способствует изменению внешнеполитического курса Вашингтона, даже если допустить, что со стороны Трампа имелись попытки что-то изменить.

Администрация Трампа, помимо наращивания вооружений, усиливает давление на Россию в сфере киберугроз, постоянно обвиняя ее во вмешательстве во внутренние дела США, в американские выборы. Давление на Россию по всем направлениям заставляет вспомнить о методах пресловутой “гибридной войны”, которые прямо влияют на стратегическую стабильность, раскачивая ситуацию и приближая ее к прямому конфликту. Тем самым в сферу анализа проблем стратегической стабильности оказывается включен широкий спектр проблем.

В марте 2018 г. президент Владимир Путин в Послании Федеральному собранию³ обрисовал перспективы разработок, которые, в частности, используют идею гиперзвуковой ракеты, способной радикальным образом повлиять на понимание стратегической стабильности. Это системы “Кинжал”⁴ и “Авангард”⁵. Первая из них, по сути, представляет баллистическую ракету, подвешенную к истребителю, которая летит по непредсказуемой управляемой траектории с гиперзвуковой скоростью и с дальностью до 1 000 км. Система способна уничтожать объекты военной инфраструктуры противника, например, корабли ВМФ. По существу, это способ не только проникать сквозь системы ПРО, но и разрушать их (так как существенная часть глобальной ПРО США размещена на кораблях ВМФ).

Другая упомянутая президентом система, — легко управляемый летящий в атмосфере высокоточный гиперзвуковой (более 20 скоростей звука) ракетный комплекс “Авангард”, который, вероятно, может быть поставлен и на ракету “Сармат” и использует непредсказуемые, “искривленные” управляемые траектории, что делает невозможным его перехват существующими

² Трамп считает ядерную проблему самой важной в современном мире. — ТАСС. 17.07.2018. Доступ: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5379483> (проверено 17.07.2018).

³ Послание Президента Федеральному Собранию. — Президент России. Официальный сайт. 01.03.2018. Доступ: <http://kremlin.ru/events/president/news/56957> (проверено 12.06.2018).

⁴ CNBC сообщил об успешных испытаниях в России гиперзвуковых ракет комплекса “Кинжал” 2018. — ТАСС. Международная панорама. 14 июля. Доступ: <http://tass.ru/novaya-tehnika-vs-rf> (проверено 14.07.2018).

⁵ Фахрутдинов Р. “Авангард” запущен в производство. Россия начала производство гиперзвукового комплекса “Авангард”. — Газета.ру. 04.03.2018. Доступ: <https://www.gazeta.ru/army/2018/03/04/11670331.shtml> (проверено 14.07.2018).

и перспективными в США системами ПРО. Наличие подобного оружия полностью меняет картину стратегической стабильности. Система ПРО становится прозрачной и довольно легко “пробиваемой”.

ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

Разработка расширенной концепции стратегической стабильности предлагает принципиально новый методологический подход к понятию с учетом особенностей современной ситуации и множественности ядерных субъектов, появления новых видов оружия, например, кибероружия, и подходов к соглашениям по сокращению ядерных вооружений и по ПРО.

Однако полная ликвидация ядерных вооружений – задача весьма отдаленного будущего. По мнению большинства российских экспертов, ядерное оружие, став результатом закономерного развития средств ведения войны, несет позитивную функцию сдерживания, и сегодня российское руководство рассматривает ядерное оружие как главную гарантию обеспечения национальной безопасности в условиях преобладания военных возможностей США в неядерной области.

Для России ядерное оружие – и гарантия суверенитета и невмешательства во внутренние дела, и незыблемость суверенного контроля Москвы над огромными природными ресурсами, и признак принадлежности к “мировой элите”, наряду со статусом постоянного члена СБ ООН.

Соответственно, цель стратегического сдерживания для нас состоит в предотвращении перерастания конфликта в ходе его возможной эскалации из некой начальной фазы в “демонстрационную” и, прежде всего, в военную, а в случае невозможности недопущения военной фазы – в ее фиксации на самых нижних ступенях эскалации – т.е. в деэскалации (хотя российские военные возможность деэскалации конфликта ядерного и отрицают). Однако в 2003 г. в официальных российских документах появились планы “деэскалации агрессии... угрозой нанесения или непосредственно осуществлением ударов различного масштаба с использованием обычных и/или ядерных средств поражения”, при этом предполагалась возможность “дозированного боевого применения отдельных компонентов стратегических сил сдерживания”⁶. Впоследствии этот тезис публично не возникал. Сегодня реальная ядерная доктрина остается закрытой. Можно только предполагать вероятность ограниченного первого ядерного удара, призванного не ожесточить, но “отрезвить” агрессора, заставить его прекратить атаку и перейти к переговорам. При его сопротивлении возможно и нарастающее массирование использования ядерного оружия – как в количественном отношении, так и по мощности боезарядов. Понятно, что на любое ядерное нападение ответ будет мгновенным и со всеми вытекающими последствиями, – но нелепо было бы полагать, по нашему мнению, что ответ будет со всей мощью СНВ – хотя такая перспектива, безусловно, и составляет важный элемент сдерживания.

Обеспечение кризисной стабильности по-прежнему означает отсутствие у потенциальных противников мотивов для нанесения упреждающего контрсилового удара уже на начальной фазе конфликта [Мизин 2015].

⁶ *Актуальные задачи развития Вооруженных Сил Российской Федерации*. Министерство обороны. М. 2003. С. 42.

Концептуальные положения ядерного сдерживания (его логическая цепочка “устрашение – угроза неминуемого возмездия – последующий неприемлемый ущерб”) практически постоянны. Именно “неприемлемый ущерб” (критерии которого видоизменялись после окончания холодной войны) остается главным фактором убеждения потенциальных противников в высоком риске агрессии и таким образом поддерживает стратегическую стабильность. Эти факторы определяют и требования к оптимальному составу и размерам стратегического арсенала сдерживания как особого способа недопущения угрожающей для нас военно-политической ситуации.

Сам факт наличия ядерного оружия – даже при надежных механизмах контроля – таит угрозу ядерного конфликта. Вместе с тем доступ к соответствующим средствам ведения войны носит избирательный характер. Сегодня в его приобретении и обладании (после создания клуба “неформальных” обладателей – Индии, Пакистана и Израиля, КНДР) заинтересовано, вероятно, немного стран, главным образом – в западной терминологии – “несистемные изгои”. Неизбежно модифицируясь, сохраняются доктрины и стратегии применения ядерного оружия, а также понятийный аппарат обеспечения безопасности ведущих держав на основе ядерного сдерживания. Для построения безъядерного мира надо обеспечить совершенно новое качество международных отношений и безопасности, гарантировать равную и неделимую коллективную безопасность всех государств, ликвидировать рецидивы и стереотипы недоверия, взаимной подозрительности и враждебности, отказаться от попыток решения спорных вопросов силой и путем навязывания практики двойных стандартов.

В нынешней ситуации концепция стратегической стабильности отличается от “классической” трактовки периода холодной войны, когда стабильность определяли как устойчивость системы взаимных сдержек и противовесов в области центрального ядерного баланса между двумя антагонистическими военно-политическими блоками и противоборствующими военно-стратегическими потенциалами – системы, не допускавшей стимулов к первому удару, а также непредсказуемого развития в случае кризисов или обострения гонки вооружения в области ядерных арсеналов.

В российской и зарубежной “политологии безопасности” понятие стратегической стабильности и сегодня зачастую сводится к более узкому пониманию, к “ядерной стабильности”, к проблематике исключительно ядерного сдерживания. В то же время, в соответствии с новой редакцией *Военной доктрины РФ*, принятой 25 декабря 2014 г., одна из основных задач – “поддержание глобальной и региональной стабильности и потенциала ядерного сдерживания на достаточном уровне”⁷, а одна из ключевых угроз – попытки подорвать эту стабильность. Упоминается стратегическая стабильность и в “*Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 г.*” – как один из “стратегических национальных приоритетов”⁸. Можно вспомнить и “классическое” определение из “*Совместного заявления США и СССР относительно будущих переговоров по ядерным и космическим вооружениям и дальнейшему укреплению стратегической*

⁷ Военная доктрина РФ. – *Российская газета*. 30.12.2014. Доступ: <http://www.rg.ru/2014/12/30/doktrina-dok.html> (проверено 12.06.2018).

⁸ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. 2009. – *Президент России. Официальный сайт*. Доступ: <http://kremlin.ru/supplement/424> (проверено 20.06.2018).

стабильности”⁹ от 1 июля 1990 г. И поныне стратегическая стабильность — в силу ключевой роли ядерных вооружений в сфере безопасности — остается приоритетным вопросом российско-американского взаимодействия независимо от колебаний в двусторонних отношениях [Кокошин 2011].

Как контроль над вооружениями, так и возможные прорывы в деле ядерного разоружения мыслятся скорее в качестве “менеджирования” процессов снижения уровней вооружений и, соответственно, военной угрозы. Однако сегодня стратегическая стабильность уже не привязана и не сводится исключительно к концепциям ядерного противостояния. Ее понимание не ограничивается отсутствием стимулов к нанесению первого удара в ситуации сохраняющегося ядерного противостояния, пусть и с учетом новых стратегических факторов, появления новых ядерных держав и угрозы нового распространения ОМУ (таково ее понимание в узком смысле). Современное понимание многополярного мира более комплексно: как избежать разноплановых угроз и вызовов национальной безопасности государства и его союзников, как купировать уязвимость страны к попыткам ущемить жизненные интересы, как, наконец, приводить систему международных отношений, “демпфируя” разбалансирующие последствия кризисов и конфликтов, в состояние некоего динамического равновесия.

Сегодня поддержание стратегической стабильности — это выстраивание такой системы миропорядка, которая способна уберечь отдельные регионы (в нашем варианте — Россию и Евразию), а также мир в целом от крупных вооруженных конфликтов и стратегических вызовов, угрожающих интересам всех стран при возникновении политического кризиса [Ядерное оружие... 2012]. Таким образом, существуют стратегическая стабильность в широком смысле, сводящаяся к понятию международной безопасности, и ее “практический” вариант — критерии отсутствия стимулов к нанесению первого удара, параметры обеспечения национальной безопасности.

Для России стратегическая стабильность означает некое желаемое прогнозируемое состояние в системе и взаимоотношениях основных участников международных отношений в любых крупных международных конфликтах, которое не позволяло бы им выходить за пределы фазы отсутствия крупного военного конфликта. Соответственно, стратегическая стабильность должна охватывать не только спектр ядерных вооружений, но и сферу новых стратегических инструментов силы — космических и высокоточных обычных вооружений, потенциалы всех крупных держав, ресурсы информационного и кибероружия.

У нас уже, как известно, имеются серьезные разработки тематики стратегической стабильности, опирающиеся на многолетние комплексные исследования¹⁰.

Итак, новый стратегический вызов — это развитие кибертехнологий, приводящее к появлению принципиально новых потенциальных угроз со стороны государственных структур и хакеров, стремящихся получить доступ к системам ядерного оружия или взломать их [Willamson, Mansoor 2012].

Спектр вызовов широк: от распространения ядерного оружия, подрыва безопасности, защиты и надежности систем командования и управления

⁹ Совместное заявление относительно будущих переговоров по ядерным и космическим вооружениям и дальнейшему укреплению стратегической стабильности. Государственный визит Президента СССР М. С. Горбачева в Соединенные Штаты Америки, 30 мая — 4 июня 1990 года. Документы и материалы. 1990. М.: Политиздат.

¹⁰ См., например [Арбатов 2018; Кокошин 2018].

ядерным оружием, режима строгой секретности стратегических ядерных технологий и обеспечения кибербезопасности любых ядерных объектов, возможности провоцирования катастрофических аварий на АЭС, дамбах, электростанциях и химических предприятиях¹¹. Все это грозит непредсказуемыми реакциями, прежде всего, упреждающим ядерным ударом. В июне 2016 г. Генеральный секретарь НАТО Йен Столтенберг заявил, что Альянс готов задействовать ст. 5 Вашингтонского договора НАТО о коллективной самообороне при кибернападениях, а сама кибероборона возможна не только в рамках крупной операции Альянса¹². Такая возможность подтверждена и на Саммите НАТО в Брюсселе в июле 2018 г. Признано, что для США и НАТО киберпространство – важнейшая стратегическая сфера, и задача борьбы с этой самой новой из современных угроз становится более актуальной. Россия, США и крупнейшие страны Европы уже несколько лет занимают первые места по количеству кибератак на их территории¹³. Хорошо известны и обвинения США и стран НАТО во враждебном использовании киберпространства.

Вероятно, естественным ответом на эту угрозу будет усиление возможностей соответствующих структур Минобороны (например, ГРУ Генштаба ВС РФ), ФСБ и ФСО, создание мощного единого военного киберкомандования ВС РФ по примеру стран НАТО. По-прежнему остается проблема разработки понятийного аппарата, согласования формулировок и определений. Совершенно неясно, как определять именно кибероружие, конкретно созданное для заданного по целям нанесения ущерба объектам противника, обычно государств – дабы не путать его с любым использованием кибернетических инструментов, например, для банального хакерского “экономического” мошенничества в отношении банков. Безусловно, развитие кибероружия ставит весьма сложные задачи по контролю, который многие эксперты считают невозможным.

Соответственно, если стратегическая стабильность в условиях фиксированного противостояния двух антагонистических блоков описывалась простыми математическими инструментами, в частности, с использованием методов теории игр, то для отражения нынешней хаотической ситуации наличия многих ядерных держав, сложного состава коалиций и больших военно-политических неопределенностей требуется принципиально иная, гораздо более сложная и комплексная модель, которую только предстоит продумать и создать. От российских и западных военных и экспертов требуется разработка новой “философии войны”, новой редакции “нового мышления во внешней политике”, учитывающей тренды мирового развития и разработки инновационных средств ведения войны, новые среды и методы противостояния (например, появление новых видов ОМУ, “сетевые” и информационно-оружейные угрозы, “кибервойны” и т.п.)¹⁴.

¹¹ Футтер Э. 2016 Валдайская записка № 56. Ядерное оружие в век информационных технологий: новые вызовы с точки зрения безопасности, стратегии и стабильности. – *Валдай. Международный дискуссионный клуб*. Доступ <http://ru.valdaiclub.com/files/13032/> (проверено 12.06.2018).

¹² Добровольский В. НАТО готова к коллективной обороне при кибератаках, но не во всех случаях. – *РИА Новости*. 14.06.2016. Доступ: <http://ria.ru/world/20160614/1447513284.html#ixzz4Be5c0CYs> (проверено 12.06.2018).

¹³ Pellerin Ch. Cyber, Space, Middle East Join Nuclear Triad Topics at Deterrence Meeting. – *DoD News, Defense Media Activity*. Washington D.C. 27.07.2016. URL: <https://www.defense.gov/News/Article/Article/873507/cyber-space-middle-east-join-nuclear-triad-topics-at-deterrence-meeting/> (accessed 17.06.2018).

¹⁴ Путин В.В. Быть сильными: гарантии национальной безопасности для России. – *Российская газета*. 17.02.2012. Доступ: <https://rg.ru/2012/02/20/putin-armiya.html> (проверено 18.06.2018).

Важно учитывать и нынешнее обострение взаимоотношений России и блока НАТО. В новой редакции Военной доктрины среди военных опасностей и угроз в качестве первоочередной указано наращивание силового потенциала НАТО и наделение его глобальными функциями, реализуемыми в нарушении норм международного права, приближение военной инфраструктуры стран — членов НАТО к границам России. Внешней военной угрозой в доктрине впервые именуется также установление в сопредельных государствах режимов, в том числе в результате свержения легитимных органов государственной власти, политика которых угрожает интересам России. В силу традиций военного и геополитического противостояния и логики ядерного сдерживания-устрашения между двумя самыми мощными ядерными державами, из которой мы не вышли, российское военно-политическое руководство продолжает, как и в советские времена, рассматривать США и НАТО и их военные потенциалы фактически как главную военную угрозу безопасности России.

В идеале современный мир должен эволюционировать в сообщество миролюбивых и — при всем различии цивилизационных и национальных особенностей — демократических государств с действенной системой мирного разрешения споров между государствами, укоренения принципа неприменения силы и угрозы ее применения. Безопасность государств должна адекватно обеспечиваться с помощью обычных сил. Конечно, можно обойти модальности безъядерного мира через канал мирных исследований в области ядерной энергетики. Чтобы это предотвратить, необходимо радикально укреплять режим гарантий МАГАТЭ, совершенствовать системы экспортного контроля за оборотом ядерных материалов и технологий.

162

Итак, безъядерный мир — весьма привлекательная, благородная, интеллектуально захватывающая, вполне логичная, но, увы, неосуществимая в зримой перспективе цель. Это вызвано, в частности, сохраняющимся недоверием между крупнейшими обладателями ядерных потенциалов — Россией и США. В силу ряда причин они так и не перешли (и вряд ли в ближайшие 20 лет с учетом реалий двусторонних отношений перейдут) к уровню доверия и сотрудничества, характеризующего, например, взаимоотношения таких союзников, как Вашингтон и Париж, не во всем разделяющих мнения и подходы друг друга. Запад в целом и Россия по многим коренным вопросам современной мировой политики остаются по разные стороны политических баррикад, а в последние годы появились симптомы сползания к новой холодной войне.

В мире усиливаются негативные тенденции хаотизации, подрывающие стратегическую стабильность и перспективы ядерного разоружения. Действия Вашингтона осложняют и не исключено, что вообще лишают реальной перспективы шаги в области ядерного разоружения. За последние пять лет, как следует из доклада, представленного Россией на обзорной Конференции по ДНЯО (Нью-Йорк, май 2015 г.), наши ядерные вооружения сократились на треть — в полном соответствии с духом ст. VI ДНЯО.

Рассчитывать на сохранение стратегического диалога в неизменном виде, когда Россию определяют чуть ли не как главную угрозу безопасности и подвергают противоправным ограничениям, вряд ли приходится. Таким образом, отказ от ядерного сдерживания остается далекой перспективой, особенно в ситуации, когда на Россию пытаются оказывать прямое военное давление, развертывая новые силы и средства у наших границ и модернизируя ядерные потенциалы, в том числе и для европейского театра, обвиняя нас в реваншизме и агрессивных поползновениях [Мизин 2015].

Для построения полностью безъядерного мира необходимо обеспечить совершенно новое качество международных отношений и международной безопасности, гарантировать равную и неделимую коллективную безопасность всех государств, преодолеть стереотипы недоверия, взаимной подозрительности и враждебности, отказаться от попыток решения спорных вопросов силой и путем навязывания практики двойных стандартов.

Россия в условиях кризисного противостояния со многими западными странами подтвердила готовность к ядерному разоружению¹⁵. В Стратегии национальной безопасности РФ содержится положение о стремлении к полному уничтожению ядерного оружия. Однако переход к полной ликвидации ядерных стратегических арсеналов через радикальное сокращение неосуществим без соблюдения ряда условий, а в противном случае этот процесс увеличит опасность ядерного конфликта, поскольку резко пониженные уровни ядерных потенциалов, да еще в условиях существования крупных группировок противоракетных систем, “притягивают” первый разоружающий удар. Кроме того, ядерное оружие, будучи уже созданным, теоретически в любой момент может быть воссоздано каким-либо нестабильным и контрсистемным “игроком” в мире. Такая угроза будет сохраняться, пока человечество не вступит в “золотой век” вечного мира “без войн и насилия”, о котором мечтали лучшие умы человечества.

Упомянутые условия, которые необходимо выполнить для успешного и безболезненного перехода к желанному безъядерному будущему и обеспечения “нового качества безопасности”, были неоднократно озвучены российской стороной. Речь идет о неразмещении оружия в космосе и недопущении одностороннего развертывания масштабных противоракетных систем. Еще одно осложняющее обстоятельство — дисбаланс обычных вооруженных сил, преодолеваемое ныне отставание России в развертывании комплексных систем высокоточного “умного” обычного, в том числе стратегического, оружия. В соответствии с новой редакцией Военной доктрины РФ, одна из основных задач России — это “поддержание глобальной и региональной стабильности и потенциала ядерного сдерживания на достаточном уровне”, а одной из ключевых угроз считают попытки подрвать стратегическую стабильность. На нынешнем этапе Россия подошла практически к лимиту своих стратегических сил, спускаться ниже которого, как полагают российские военные, означало бы подрывать потенциал сдерживания и наносить ущерб национальной безопасности. При этом речь идет лишь об имплементации достигнутых договоренностей в области ядерных вооружений, но никак не о новых глубоких сокращениях, как это предложил в 2013 г. Вашингтон.

Ядерное оружие — единственная область, где возможности России и США более или менее равноценны. Поскольку США остается доминирующей в мире военной державой, Россия в принципе не заинтересована в поспешных радикальных, а не поэтапных сокращениях стратегического ядерного потенциала без учета ряда привходящих факторов и геополитической ситуации в целом. В новой Стратегии национальной безопасности РФ зафиксирована необходимость поддерживать паритет с США в области СНВ в условиях развертывания ими глобальной системы ПРО и реализации концепции “Глобального удара” с использованием стратегических носителей в ядерном и неядерном оснащении.

¹⁵ Выступление В.В. Путина на заседании Международного дискуссионного клуба “Валдай”. — *Президент России. Официальный сайт*. 24.10.2014. Доступ: <http://www.kremlin.ru/news/46860> (проверено 17.06.2018); Послание Президента Федеральному Собранию. — *Президент России. Официальный сайт*. 01.03.2018. Доступ: <http://kremlin.ru/events/president/news/56957> (проверено 12.07.2018).

Россия и США могли бы активизировать консультации по комплексу проблем стратегической стабильности, сравнению военных доктрин друг друга, устранению взаимных озабоченностей и укреплению доверия, включая вопросы ПРО, космических и высокоточных обычных вооружений. В обсуждениях было бы целесообразно вовлечь и другие ядерные государства, к которым следует обратиться с призывом не наращивать ядерные арсеналы и повышать прозрачность в ядерной области, хотя их согласие отсутствует. Не стоит уходить от обсуждения рамок будущих сокращений стратегических вооружений — при том, что, по мнению Москвы, они возможны лишь с учетом всех факторов стратегической стабильности. Новое понимание стратегической стабильности должно включать в себя отказ сторон от совершения враждебных действий в отношении друг друга, рассмотрение конкретных путей снижения вероятности нанесения упреждающего разоружающего удара. В перспективе, укрепляя доверие и устраняя поводы для взаимной подозрительности, не исключен и отказ от взаимного сдерживания России и США, но пока американская сторона уходит от диалога под надуманными предложениями [Орлов, Мизин 2016].

Россия теоретически могла бы разработать на экспертной основе и продвигать комплексный пакет инициатив в сфере нераспространения и дальнейшего ограничения ядерных вооружений — без ущемления национальных интересов (все названные инициативы соответствуют уже поддержанным Россией позициям и подходам). Например, по мнению бывшего начальника главного штаба РВСН генерал-полковника В. Есина, Россия вполне могла согласиться на американскую идею в 400-500 оперативно развернутых носителей и 1 000 боезарядов — без ущерба своим программам модернизации и приоритетам сдерживания. Естественно, это возможно лишь при сохранении стратегической стабильности и аналогичных шагов Запада, которые не просматриваются и в перспективе на гребне антироссийской кампании. Как считают большинство российских военных экспертов, проекция нынешнего состава СЯС до 2020 г. оптимальна и обеспечивает России необходимое качество стратегической стабильности — на фоне увеличения мобильности, защищенности шахтных пусковых установок ракет типа “Ярс” и “Сармат”, ввода в строй подводных лодок с баллистическими ракетами и тяжелых бомбардировщиков с новыми крылатыми ракетами, новых глайдеров и систем преодоления ПРО. Масштабная программа перевооружения стратегических сил России, которую В. Путин огласил в мартовском послании к Федеральному собранию, призвана обеспечить способность уничтожить любых противников в любой точке мира с помощью принципиально новых стратегических средств без риска нейтрализации наступательного потенциала нынешними или перспективными средствами ПРО или ПВО. Программу эту на Западе восприняли чуть ли не как объявление новой холодной войны и гонки вооружений, отказ от желания серьезно обсуждать проблемы сокращения СНВ или тематику ПРО.

Однако не следует забывать, что после демонстрации новоявленной ядерной мощи России президент заявил: “Не нужно создавать для мира новых угроз, а нужно, наоборот, садиться за стол переговоров и вместе думать над обновленной, перспективной системой международной безопасности и устойчивого развития цивилизации... Россия к этому готова”¹⁶.

¹⁶ Послание Президента Федеральному Собранию. — *Президент России. Официальный сайт*. 01.03.2018. Доступ: <http://kremlin.ru/events/president/news/56957> (проверено 12.07.2018).

В заключение мы хотели обратить внимание на важный фактор международной безопасности. Классическое определение стратегической стабильности предполагает, что все участники конфликта придерживаются принципа “жесткой рациональности” на всех фазах развития противостояния. Между тем, внимательный взгляд на международную обстановку обнаруживает, что предположение о “жесткой рациональности” далеко не всегда верно. Достаточно проанализировать недавнюю эскалацию конфликта вокруг ядерной программы Северной Кореи. Создается впечатление, что обе стороны конфликта использовали на определенной его фазе стремление опровергнуть постулат о “жесткой рациональности”, чтобы психологически воздействовать на противника, стремясь запугать своим нерациональным поведением. Хотя, похоже, напряженность конфликта снижается, и Дональд Трамп и Ким Чен Ын на протяжении последних полутора лет вряд ли могут рассматриваться как игроки, придерживающиеся принципа “жесткой рациональности”. И мы не можем знать, какие сюрпризы в будущем преподнесет культивирование тактики “иррационального запугивания”. Это предстоит выяснить политологам в рамках исследования стратегической стабильности.

Отличие от времен холодной войны сейчас становится ясным, что новая концепция должна учитывать новые виды вооружений – прежде всего обычных, по своим возможностям приближающимся к ядерному оружию, кибероружие и космические вооружения (включая противоспутниковое оружие), новые угрозы, такие как глобальный терроризм, жесткое противостояние России с Западом в рамках “гибридной войны”, появление новых центров силы и новых ядерных держав [Ядерное оружие... 2012].

Все это требует прорывного комплексного мультидисциплинарного исследования представителей разной научной и политической экспертизы, с учетом не только военных, но и политических, геостратегических факторов мировых процессов.

Арбатов А.Г. 2018. Угрозы стратегической стабильности – мнимые и реальные. – *Полис. Политические исследования*. № 3. С. 7-29. <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.03.02>

Кокошин А.А. 2011. *Проблемы обеспечения стратегической стабильности: Теоретические и прикладные вопросы*. Изд. 2-е, переработанное и существенно дополненное. М.: Едиториал УРСС. 462 с.

Кокошин А.А. 2018. Стратегическая стабильность в условиях критического обострения международной обстановки. – *Полис. Политические исследования*. № 4. С. 7-21. <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.04.02>

Мизин В.И. 2015. Дилеммы стратегического разоружения: глубокие сокращения. – *Международная жизнь*. Доступ: <https://interaffairs.ru/news/show/13635> (проверено 17.06.2018).

Орлов А.А., Мизин В.И. 2016. Россия – Запад: время задуматься о “разрядке-2”. – *Международная жизнь*. № 11. С. 28-40.

Ядерное оружие и стратегическая стабильность: поиски российско-американского консенсуса в XXI веке. 2012. Отчет о международной конференции. – *РСМД*. Доступ: <http://russiancouncil.ru/news/otchet-o-mezhdunarodnoy-konferentsii-yadernoe-oruzhie-i-mezh/> (проверено 16.06.2018).

Kochetkov G.B., Averchev V.P., Sergeev V.M. 1987. Artificial intelligence and disarmament. – *Arms and Artificial Intelligence*. Ed. by Allan M. Din. Oxford: Oxford University Press. SIPRI. P. 153-165.

Willamson M., Mansoor P.R. 2012. *Hybrid warfare: Fighting complex opponents from the Ancient world to the present*. Cambridge, Cambridge University Press. 334 p.

DOI: [10.17976/jpps/2018.05.12](https://doi.org/10.17976/jpps/2018.05.12)

MODERN CONCEPTS OF STRATEGIC STABILITY

V.I. Mizin¹, V.M. Sergeev²

¹Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia

²Moscow State Institute of International Relations (University), MFA of Russia. Moscow, Russia

MIZIN Viktor Igorevich, Cand. Sci. (Hist.), Leading Researcher, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. Email: vmizin@hotmail.com; **SERGEEV Viktor Mikhailovich**, Dr. Sci. (Hist.), Professor, Director, Center for Global Problems, Institute for International Studies, MGIMO University. Email: laris-pulena@rambler.ru

Mizin V.I., Sergeev V.M. Modern Concepts of Strategic Stability. – Polis. Political Studies. 2018. No. 5. P. 150-166. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.05.12>

Received: 14.03.2018. Accepted: 11.06.2018

Abstract. The authors propose a retrospect analysis of the evolution of the notion and strategic stability concepts from the strategic doctrines in the military domain of the XIX century through such concepts during the Cold War times and toward the conceptual basis for the establishment of new world order in the XXI century. They provide explanation to the difference between the strategic stability and strategic balance concepts and stress the importance of the former concept for the creation of negotiating basis for interaction between the U.S.S.R. and the U.S. in the period of Cold War in the course of achieving strategic parity and formation of ideological footage of the dialogue on the strategic weapons' reductions. The authors also evaluate the present and perspective factors that might undermine strategic as well as regional and transregional stabilities. The major focus is cast on the importance of unbiased approaches and science-based expertise for the compiling of urgent set of destabilizing factors. They prove by putting forward many factual arguments that the U.S. vastly disregard the destabilizing influence of their ABM systems on the contemporary geopolitical order. The article gives a verdict that the current U.S. and NATO security policies made the transit to the non-nuclear world completely impossible. At the same time, the authors perceive their major task in proposing the goal to outline the new tenets of strategic stability. They assess its new parameters on the global scope in the situation when this concept cannot be reduced to its narrow interpretation as the imperative of preventing the nuclear duel between the major nuclear states but should take into account all multiplicity of factors that define the security paradigms in the current world order realities. The authors also review the ongoing strategic modernization programs of the Russian strategic forces through the prism of their role in assuring the strategic stability and the protection of the country's vital national interests.

Keywords: strategic stability; Russia; U.S.; military doctrine; START; ABM; arms race; mutual assured destruction; nuclear deterrence; system of international relations.

References

- Arbatov A.G. Threats to Strategic Stability – Imaginary and Real. – *Polis. Political Studies*. 2018. No. 3. P. 7-29. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.03.02>
- Kochetkov G.B., Averchev V.P., Sergeev V.M. Artificial intelligence and disarmament. – *Arms and Artificial Intelligence*. Allan M. Din (ed.). Oxford: Oxford University Press. SIPRI. 1987. P.153-165.
- Kokoshin A.A. Strategic Stability in a Deteriorating International Environment. – *Polis. Political Studies*. 2018. No. 4. P. 7-21. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.04.02>
- Kokoshin A.A. *Problemy obespechenija strategicheskoy stabil'nosti: Teoreticheskie i prikladnye voprosy* [Ensuring Strategic Stability in the Past and Present. Theoretical and Applied Questions]. Moscow: Editorial URSS. 2011. 462 p. (In Russ.)
- Mizin V.I. Dilemmas of Strategic Disarmament: Deep Reductions. – *International Affairs*. 21.08.2015. (In Russ.) URL: <https://interaffairs.ru/news/show/13635> (accessed 17.06.2018).
- Nuclear Weapons and Strategic Stability: the Search for a Russian-American Consensus in the 21st Century. Report on the International Conference. – *RIAC*. 2012. URL: <http://russiancouncil.ru/news/otchet-o-mezhdunarodnoy-konferentsii-yadernoe-oruzhie-i-mezh/> (accessed 16.06.2018).
- Orlov A.A., Mizin V.I. Russia-the West: It's Time to Think About "Detente-2". – *International Affairs*. 2016. No. 11. P. 28-40.
- Willamson M., Mansoor P.R. *Hybrid Warfare: Fighting Complex Opponents from the Ancient World to the Present*. Cambridge, Cambridge University Press. 2012. 334 p.